

проблемам современного научного процесса, и заверил собравшихся, что Государственный республиканский центр русского фольклора будет и дальше организовывать подобные мероприятия, консолидирующие фольклористическое сообщество.

В.Е. Добровольская, М.Д. Алексеевский

Сведения об авторе: *Добровольская Варвара Евгеньевна*, канд. филол. наук, зав. фольклорно-этнографическим отделом Государственного республиканского центра русского фольклора. E-mail: dobrovolska@inbox.ru; *Алексеевский Михаил Дмитриевич*, канд. филол. наук, зав. отделом современных форм фольклора Государственного республиканского центра русского фольклора. E-mail: alekseevsky@yandex.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2010. № 6

ВТОРЫЕ СОКОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Помня о научных интересах А.Г. Соколова, но не ограничивая себя тематическими рамками, участники чтений заинтриговали аудиторию как лапидарно сформулированными тезисами по проблеме, которая еще долго не будет исчерпана (доклад *Е.А. Певак* «Старое и новое в эстетике русского модернизма»), так и подробнейшим описанием литературной частности, в которой, однако, отразилось прошедшее бытие (доклад *Д.Д. Николаева* «Поручики в русской литературе: от повестей А.А. Бестужева-Марлинского к «Поручику Кижэ» Ю.Н. Тынянова»).

Приоритетная тема докладов – литературные влияния, реминисцентность текстов, традиции и авторская рефлексия. Доклад *М.В. Михайловой* ««Бесы» Ф.М. Достоевского и «Сатана» Г.И. Чулкова (интеграция мотивов)» по своему содержанию вышел за рамки обозначенной темы, поскольку автор осветила многочисленные вопросы, связанные с проблемой восприятия идей и текстов Достоевского Чулковым-символистом, каким он являлся в начале XX в., и Чулковым-литературоведом, каким он стал в советское время. Остановившись на «компетентном присутствии», по определению К. Исупова, Достоевского в русской религиозной философии и творчестве писателей символистского круга, М.В. Михайлова предложила оценивать обращение Чулкова к Достоевскому как использование мотивной структуры произведений писателя в духе «римейка». Контаминация мотивов из «Братьев Карамазовых» и «Бесов», приправленная злободневностью, позволила Чулкову создать яркий памфлет, вскрывший политическую гнилость правящих кругов России (прототипами героев послужили Распутин, Илиодор и др.). В то же время писатель не отказался от символизации явлений – и происходящее в романе можно расценить как раскрытие трагической судьбы России, отданной негодям на растерзание. Интересным в докладе оказалось обращение к книге Чулкова «Как работал Достоевский» (1939): в ней нашли развитие (или опровержение) взгляды, которых ранее придерживался автор,

а также трактовка религиозной, в духе Достоевского, проблематики повести Чулкова «Вредитель» (1932).

Цитатность – черта поэзии и прозы Г. Иванова, очевидная для его современников и привлекающая внимание сегодняшних исследователей. Как полагает *А.П. Авраменко*, из ивановских «обращений к Серебряному веку, аллюзий, тематических сближений, цитат, явных и скрытых, при желании можно составить маленькую антологию». В докладе «Георгий Иванов: “диалог” с А. Блоком» раскрывается история проникновения мотивов «самого строгого критика ранних поэтических опусов дебютанта-акмеиста» в его поэзию. Тема доклада А.П. Авраменко имеет прямое отношение к общей проблеме цитатности как вторичности или оригинальности автора, целенаправленной, явно желанной диалогичности текстов, их включенности в «единый поток русской литературной классики», актуальной в условиях эмиграции в целом и трагического ощущения Ивановым своего существования в частности. Потому обращено внимание на явную у Иванова рецепцию «трагичнейшей» лирики Блока, а через нее – поэтов XIX в. Особый акцент сделан на общих в стихах сборника «Отплытие на о. Цитеру» (1937) и в «самом опустошающем цикле Блока “Страшный мир”» мотивах, образах, на лексических совпадениях. Очевидно обращение Иванова к Блоку в сборнике «1943 – 1958. Стихи» и в поэтическом «Посмертном дневнике», в которых имя Блока выделяется в кругу «собеседников», среди которых – Анненский, Ахматова, Гумилев, Есенин, Мандельштам, Цветаева. Как показано в докладе, это гамлетовская тема («Он спал, и Офелия снилась ему / В болотных огнях, в подвенечном дыму»); это цыганщина как выражение музыкальной культуры, предчувствий неотвратимой катастрофы, переживания веселья и горькой участи («Мы не мертвые. И не живые. / Вот мы слушаем рокот гитары / И романса “слова роковые”»); это сугубо ивановское переосмысление мотивов «соловьинного сада», покоя, который «только снится», и проч. По мнению А.П. Авраменко, поэтическое сближение Иванова с Блоком выражалось и в тематической общности их текстов, и в прямом использовании или через парафразу блоковских образов (например: «И не страшны мне ночные часы», «И ледяная чешуя канала», «И царит в нем Прекрасная Дама», «Пройдя меж трезвыми и пьяными, / Она садится у окна», «Все неизменно, и все изменилось» и проч.), и в воссоздании его стилистики, и в восприятии общих для Серебряного века поэтических мотивов (например, у Иванова: «“Желтофиоль” – похоже на фиолетовую, / На меланхолию, как канифоль») и приемов, которыми Блок владел виртуозно.

Выверенной представляется концепция *О.С. Кочетковой* о неоднородности, о внутренней полярности «парижской ноты». Название ее доклада – «Два полюса “парижской ноты”: “школа” Г. Адамовича и Б. Поплавский». Разводя вслед за Поплавским – автором статьи «О мистической атмосфере молодой литературы эмиграции» (1930), – понятия «парижская школа» и «метафизическая нота» («Если в статье Поплавского мысль развивается в приоритетном направлении от формы к содержанию, то в варианте звучания термина у Адамовича происходит контаминация смыслов»), исследовательница справедливо вычленяет два явления: мастерство, ремесло – атмосфера, настроение. Возведенные Адамовичем в эстетический культ естественность, простота, аскетизм стиха имеют к поэтике Поплавского достаточно смут-

ное отношение. Поплавский, числясь в «парижской ноте», успешно развил русский поэтический сюрреализм, его опыты созвучны раннему русскому авангарду, и потому наблюдения О.С. Кочетковой над согласованностью и разногласиями эстетических взглядов двух поэтов воспринимаются с особым интересом. Для нее Поплавский – выразитель стихии жизни, индивидуального бытия, Адамович – наиндивидуального.

О степени интеграции своего и чужого текстов разных временных и культурных слоев, о явных и скрытых отсылках к первичному тексту, о его вольной интерпретации, об ограничении смыслообразующей функции претекстов в создании нового произведения, об эстетических и мировоззренческих установках автора, прибегшего к интертекстуальности, шла речь в докладе *О.С. Левченковой* «Особенности переводов-переложений в русской детской сказке 1930–1950-х гг.». Настаивая на оригинальности русских авторских сказок, донорами для которых служили известные произведения западноевропейской литературы, О.С. Левченкова обратилась к «технологиям» Е. Шварца: изменения в сюжете, снижение мотива чуда, коррективы в системе персонажей, их «обытовление» и т.д. При всей полемичности точки зрения автора доклада на «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1935) А. Толстого как на попытку через переложение сказки К. Коллоди высказать негативное отношение советского классика к советской реальности 1930-х гг. (стране Дураков) нельзя не признать убедительности ее аргументов. Неожиданным (но не говорю: неверным!) представляется вывод о пародийности известной повести Л. Лагина, в основе которой сюжет как «1000 и одной ночи», так и «Медного кувшина» Т. Энсти. Как полагает О.С. Левченкова, «А. Волков оказался единственным автором, который не столько использовал чужой сюжет для выражения собственной позиции, сколько отношения к текущей современности, сколько ради воспроизведения занимательного и остроумного повествования». В докладе на примере творчества Б. Заходера прозвучала и проблема авторского пересказа. В целом использованные в докладе произведения – перспективный материал для исследований по компаративистике.

От художественного переосмысления чужого текста переходим к рецептивной практике критиков, отнюдь не всегда творческой. С докладом «Чеховские традиции и советская драматургия в критике конца 1920-х гг.» выступила *А.В. Бурмистрова*. В 1920-е гг. в русской критике обозначились абсолютно противоположные восприятия чеховского наследия. Если одни, а среди них В. Львов-Рогачевский, настаивали на полной антитетичности новой эпохи и чеховского героя, то другие, а в их числе А. Дерман, прозревали в Чехове революционность: раз было в его произведениях сознание неизбежности обновления жизни, значит они революционны. Помимо таких наивных тез в 1920-е гг. все-таки высказывались и мысли, свидетельствующие об интеллектуальной дееспособности критики. Это статьи о связи эстетики Чехова с музыкой и кинематографией, это споры о жанровой природе чеховских произведений, о его пессимизме и гедонизме.

Доклад *В.В. Сорокиной* «Жанровые формы литературной критики русского Берлина 20-х гг. XX в.» посвящен условиям становления русской критики в Берлине (бесцензурное существование, традиции Серебряного века, взаимодействие художественно-эстетических и социокультурных тен-

дений, участие в литературной жизни религиозных философов, общие с советской критикой анализируемые тексты, создание литературных клубов, вовлеченность в политическую борьбу и проч.). По наблюдениям В.В. Сорокиной, в Берлине распространенными были рецензии, речи, справочно-библиографические сведения, репортажи с юбилеев, юбилейные статьи, некрологи, публицистические эссе, воспоминания, отзывы, информация о литературной жизни, в том числе и в советской России. В особенности В.В. Сорокина обратилась к специфике жанра литературной хроники и его синтезу с рецензией, к жанровым отличиям рецензии и проблемной статьи. Актуален для будущих исследователей вывод о признаках цикличности объединенных общей сентенцией статей. Как и другие участники чтений, В.В. Сорокина вышла за рамки конкретной темы и коснулась, на мой взгляд, чрезвычайно любопытного вопроса о «непрямой зависимости между развитием литературы и отдельными жанрами критики», что выражается, в частности, в стилистике. Речь шла о признаках «того или иного функционального стиля», обусловленного: а) особенностями речи критики, как это явно в случае с Ю. Айхенвальдом, б) традиционной, общей литературно-критической лексикой, в) идеологической установкой, проявившейся, например, и в иронических названиях, и в риторических вопросах, и в резкой, уничижительной лексике. Пожалуй, наибольшее оживление у аудитории вызвал разговор о критике как отражении литературных явлений, например, произведений Г. Алексеева, Н. Брешко-Брешковского, Г. Гребенщикова, М. Цветаевой, Саши Черного, Е. Чирикова, М. Шкапской, В. Шульгина, И. Эренбурга и др.

Обзор чтений хочу завершить обращением к докладу *М.М. Лоевской* ««Потаенная литература»: историко-литературные параллели», предмет которого – апокрифы и демонологические сюжеты. В таких текстах, в основном через бродячие сюжеты, мы обнаруживаем опять же диалог – литературы и Церкви, писателя с писателем, II в. и XX. Так, сложный, неудобный, в общем-то еретический, но, как показывают произведения писателей разных культур, противоположных эстетических взглядов, мировоззренческих устремлений, актуальный для человека XX в. вопрос, примет ли Бог покаяние дьявола, М.М. Лоевская рассматривает через воззрения Оригена, отвечавшего на него утвердительно, но и сетовавшего на то, что сам страдает от злонамеренных еретиков. В докладе приведены примеры присутствия Оригена в истории литературы: от «Скитского патерика» IV–V вв., «Синайского патерика» VII в. до «потаенных» рассказов С.Н. Дурылина 1910–1920-х гг. Половина доклада как раз посвящена содержанию чрезвычайно интересной, необычной, но мало кому известной прозы Дурылина, изданной лишь в 2009 г. Оставим открытым вопрос о преображении падшей твари и будем ждать следующих чтений.

Н.М. Солнцева

Сведения об авторе: *Солнцева Наталья Михайловна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru